

СЕГОДНЯ У ТЮЗА ПЕРВЫЙ КРУТЫЙ ЮБИЛЕЙ

НАШИ
ДЕСЯТЬ
ЛЕТ

Мы открылись спектаклем по пьесе Алексея Арбузова «Город на заре» в постановке работавшего тогда главным Б. А. Нарцисова.

Трепет начинающих, строгие требования и тревожения, усталость, счастье открывателей нового театра, — все это и теперь в памяти его патриархов, — совсем, впрочем, еще не старые.

Завершается десятилетие. Как! Но ведь все было совсем совсем иначе!

Нельзя обойтись в этой статье без цифр.

За 10 лет коллектив театра осуществил на своей сцене 64 постановки, без малого 2 миллиона человек побывало на них, в основном — дети и подростки, будущие строители коммунистического общества. Для них мы жили и живем, спорим, ищем, порой ошибаемся. Сложно театральное дело, изматывает творческая удача, одно неизменно — чувство ответственности, стремление быть нужным зрителю.

История театра для детей и юношества в нашем городе началась еще в 1932 году, когда был открыт в Воронеже первый ТЮЗ. Затем, в 1933 году он был преобразован в Молодой театр, который стремился укрепить свое творческое влияние на рабочую молодежь и студентов города.

Нельзя не упомянуть, что ведущими артистами этого коллектива были ныне покойный народный артист СССР Сергей Иванович Папов и заслуженная артистка РСФСР Вера Георгиевна Рождина, которая и теперь поддерживает с нашим театром сердечную, дружескую связь.

Директором же того, довоенного ТЮЗа, незадолго перед войной был ныне заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор, ректор литературного института имени Горького Владимир Федорович Пименов.

В 1941 году театр закрылся и понятно, почему: мужская половина коллектива ушла на фронт.

В 1963 году, тепло принятые воронежцами, состоялись открытие нового театра. И с тех пор Арбузов и Пушкин, Гайдар и Свифт, Розов и Ершов, Хмелик и Аксаков и еще очень многие авторы разных времен и народов стали друзьями молодого поколения воронежских театралов.

С первых дней своей работы коллектив находился в поисках наиболее яркого, реалистического воплощения драматургических произведений на своей сцене. И если в начале сво-

его пути театр стремился к раскрытию духовных богатств человеческой личности в условно-обобщенных формах, что вызвало критические замечания наших зрителей, еще не овладевших разнообразием и подчас парадоксальностью некоторых сценических приемов, то в последующий период, исходя из принципа «отражения жизни в формах самой жизни», театр свою работу стремился перестроить.

В 1968 году в театр был направлен для постановки дипломного спектакля тогда еще студент Государственного института театрального искусства имени Луначарского Владимир Бугров. Постановленный им дипломный спектакль «Мужчина 17 лет» по пьесе И. Дворецкого с достаточной убедительностью доказал наличие в молодом режиссере больших потенциальных возможностей.

Работа с местным автором И. Масленниковым над спектаклем «В ночь на тридцатое», посвященном 50-летию Великого Октября, над сказкой «Аленький цветочек» по А. Аксакову, над инсценировкой романа Н. Островского «Как закалялась сталь», над комедией Д. Фонвизина «Недоросль» помогла совершенствовать профессиональное мастерство коллектива молодого и молодого.

Убежденность, организованность, возросший уровень мастерства, трудолюбие принесли первую значительную победу: спектакль по пьесе Т. Ян «Девочка и апрель» по итогам смотров театральных коллективов, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, был удостоен диплома I степени Министерства культуры РСФСР. Это событие было поистине радостным для всего коллектива: прошел лишь год, как коллектив работал в собственном здании (до того шла реконструкция здания, и коллектив на протяжении трех лет работал в разных помещениях, в крайне сложных условиях).

В начале 1972 года снова приходит высокая оценка: по итогам социалистического соревнования за IV квартал 1971 года театру впервые присуждается переходящее Красное знамя обкома КПСС, областного комитета и облсовета. Второй раз это Знамя присуждается ТЮЗу по итогам соревнования в I квартале нынешнего года.

К 50-летию образования Союза ССР за постановку спектакля по инсценировке романа Н. Думбадзе «Не беспокойся, мама!» театр снова был удостоен диплома I степени Министерства культуры РСФСР, дипломы получили и многие создатели этого спектакля.

За успешную работу по воспитанию подрастающего поколения в 1972 году обком ВЛКСМ присудил коллективу театра премию имени Василия Кубанова.

Что мы имеем сейчас в рабочем репертуаре, узнать легко, прочитав любую афишу. А чем обогатится она совсем скоро? Встреча свое десятилетие, театр готовит к постановке сказку, созданную нашим земляком, поэтом С. Маршаким «Июньский дом» (для младших школьников), и собственную инсценировку пьесы Ю. Фучика «Репортаж с петлей на шее».

Ко дню рождения В. И. Ленина театр осуществит постановку авторской инсценировки романа Е. Люфанова «Самый короткий путь» — о студенческом периоде жизни Владимира Ильича.

Вступая в свое второе десятилетие, наш коллектив, как и прежде, стремится к реализации триединой формулы: идея — художественность — мастерство.

Коротко, но очень непростно. Мы об этом всегда помним. В. КУСЕНКО, директор театра, заслуженный работник культуры РСФСР.

ПЕРВЫЙ—ДЕСЯТЫЙ,
И ДАЛЕЕ ВСЮ ЖИЗНЬ

Готовя эту подборку, я пересмотрела содержимое большого шкафа. Сотни рисунков, сочинений, самодельных папок-адресов, что вручают нам школьники на встречах в Домах пионеров, в школах, пионерских лагерях. Милые неловкость карандаша, трогательные каракули — они волнуют больше, чем чистенькое и приглаженное «на отметку». Что движет ребятами, когда дома или в классе, в красках и линиях они воссоздают пережитое в зале?

Детский взгляд — в зрительном зале самый непостоянный. Они меняются стремительно — и от поколения к поколению, и от класса к классу. Только что кажется, безоглядно «болел» за Красную Шапочку или поражаюсь «самому факту» (теги и ляди играют такое, чего не бывает) — и вот уже прикидывает строгость оценок, требовательность к спектаклю, к тексту пьесы, к себе — зрителю. Очень интересно все это наблюдать, очень важно — театру ли, педагогам ли — организовать выходящие тактично «референды».

«Спектакль дозревает дома», — говорил В. И. Немирович-Данченко. Театр остается, «дозревает» в рисунке и слове, потихоньку укрепляется, как потребность и духовный навык. С первого по десятый, когда они еще приходят целым классом, и далее — уже на всю жизнь.

В. ЕВТЕЕВА, заведующая педагогической частью театра.

В спектакле «Красная Шапочка» мне больше всего понравились Зайка и потом Ежик. Мне понравились Заяц. Он сначала был трусливым, а потом стал храбрым. За это я его нарисовал.

Только морковка синяя, потому что потерялся красный карандаш.

САЛЫНИКОВ Олег, ученик 2-го класса «Б» 7-й школы.

Мы всем классом ходили в ТЮЗ. Когда начиналось представление, мы с девочками были как бы на месте артистов. Веселились, когда кукула было весело, но и переживали, когда заяц крыса Шушара гонялась за Буратино. Волновались вместе с папой Карло. И еще переживали, когда кот Базилио и

...И вот за два дня до посещения театра я все думал и га-

дал, какое впечатление произведет на меня комедия Нодара Думбадзе «Не беспокойся, мама!». Но в субботу я как-то забыл о том, что надо идти в театр, и вспомнил об этом лишь в четыре часа. Причину объяснить не буду, но слова Станиславского «театр начинается с вешалки» ко мне не относились: я быстро прошел мимо вешалки, сел на свое место, а мысли мои были далеко, очень далеко от театра.

Но вот в зале погас свет, на сцену вышел актер, и произошло чудо...

Да, это было чудо! И если кто подумает, что я сказал для красного словца, тот будет по крайней мере не прав.

Ну, подсудите сами, как можно назвать такое явление, когда человек приходит в театр зной, растерянный, занятый своими мыслями и сомнениями, он чисто механически смотрит на сцену, потому что надо же куда-то смотреть. Но вот на сцене появляется артист — и забываешь обо всем, видишь только его, слышишь только его голос, забываешь о мыслях, которые терзали еще минуту назад и казались такими необходимыми.

Разве это не чудо? Прошу понимать меня правильно: я не какой-нибудь восторженный чудак, и дальше скажу, что многое в спектакле не приняла, многого навязного и в тексте пьесы, и в том, как пьеса решена театром. Но на слова «чудо» настаиваю, потому что — вот есть человек-артист, самый обыкновенный, как я или ты, он говорит написанные не им, а выученные по тетрадке слова, но говорит их так, что они его слова, и веришь, что герой его будет настоящим человеком. «Не беспокойся, мама!» — смогу ли я сказать эти слова с такой же верой, сказать их так, чтобы люди поверили мне?

Из сочинения Николая БОНДАРЕНКОВА, 10-й класс «А» 66-й школы.

Приглашаем оформить спектакль.

Дорогие ребята! Театр юного зрителя приглашает вас принять участие в художественном оформлении нового спектакля по сказкам Самуила Яковлевича Маршала «Теремок» и «Кошкин дом».

Перечитайте эти сказки, нарисуйте эскизы декораций и костюмов, сцены из будущего спектакля, нарисуйте все то, что привлекает сами и вместе с друзьями.

На наиболее интересных рисунков будет организована выставка в фойе нашего те-

атра, а признанные самыми удачными будут использованы в оформлении спектакля. Итак — конкурс. Не забудьте подписать свои работы (фамилия, класс, номер школы, название населенного пункта, где она расположена). Принести их или — если вы живете в районе — выслать по почте можно и лично или через старшего пионервожатого своей школы, но не позднее 15 января, по адресу:

Воронеж, ул. Дзержинского, 10-а, ТЮЗ. Телефоны для справок 5-07-92, 69-26-35.

Свет
рассказать
нельзя

Натуро к фильму «Солдаты не рождаются» снимали в Рязани. На берегу Оки.

При съемке одной из сцен боя осветитель попросил: — Девочки, помогите мне, пожалуйста. — И тут же, показав ручку, за которую надо было придерживать прожектор, бросился к режиссеру.

Завороженно глядела девочка на луч светового прожектора. С изумлением открыла для себя, что светом можно рисовать.

— Ловее свет! Да ловее, же! — кричала ей. Осторожно повела прожектор и осветила танки.

Странно получилось. Пришла на съемочную площадку, чтобы посмотреть на танк и, если повезет, прокатиться. И вот... Новое ощущение власти своим над светом не проходило.

Будущие выпускники (скоро закончили) часто ездили в Солотчи, что недалеко от города. Будничным утром, раз сосновый бор, дорога, всегда казалась ей неизменно знакомым: дорога после зимы — сиреневая, а деревья от мороза эн-

мой то синие, а то — розовые. Она удивлялась, когда друзья не замечали этого.

— Рая, ты что! — Да посмотрите же лучше. Они смотрели лучше.

Все вместе часто бывали в театре, не пропускали ни одной премьеры. Случайно бросилось в глаза объявление: «Рязанскому театру юного зрителя требуется осветитель».

Приняли сразу. Вот тут-то пригодилась специальность электрообмотчика, которую получила в школе.

Москва. Малый театр! Месяц стажировки у Абрама Моисеевича Дробинина, заслуженного художника РСФСР. Он был немногословен:

— Свет рассказывать нельзя, его надо увидеть, почувствовать. Смотри и чувствуй.

Она смотрела. После первого спектакля не могла назвать ни имен действующих лиц, ни фамилии актеров. Зато почти без ошибок рассказывала «свет спектакля».

В Москве пришла уверенность к себе. Очень помогли уроки Абрама Моисеевича.

Для каждого спектакля нужен особый свет вечера. Цветов спектра только семь, а в работе над одним только «вечером» их нужно куда больше. И часто бывает так: спектакль сдан, художественный совет принял его, а чувство неудовлетворенности в том, что в одной из сцен свет не ложится, не проходит. И поиск продолжается.

В театре много условностей: картонные цепи раба, клубки с вином. Это никого не удивляет. А порою зритель возмущается: «Это же недопустимо!» Актер зажигает лампу, а

на сцене вспыхивает целый прожектор.

И неведомо ему: да не включил осветитель прожектор, не увидит зритель того, что происходит на сцене.

Второй год Раиса Титкова работает в Воронежском ТЮЗе.

Она не только приняла репертуарные спектакли театра, но и сделала несколько сама. Любимые — «Золотой ключик» по мотивам сказки А. Толстого, «Не беспокойся, мама!» по пьесе Н. Думбадзе.

Когда в театре готовится к постановке новый спектакль, начинается горячая пора и для художника по свету: премьеры спектакля «Дождь» или, как из ведра по пьесе М. Шатрова и А. Хмелики — первая постановка Анатолия Клименского. Театр поставил «Есть ли у вас Ч.Ю.?» (по сценарю Ч.Ю. — чувствую юмор). Спектакль красивый, красивый в световом решении. В пьесе есть сцена вечера. Старые привычки не подходят. Значит, опять искать.

Н. ПЛЕШКОВА [наш внеш. корр.] Фото Ю. Загузина.

МЫ—САМИ О СЕБЕ, И ВООБЩЕ

Виктор КОПОСОВ:
— ДАТА, КАК
СТОП-КАДР

И пройдет этот день очень быстро. Высветит, как фотоувеличитель, моему сердцу лица коллег — милые вы мои, милые, ведь вчера еще совсем девчонкой была ты, Галя Глинкина, и у тебя, Боря Велес, чуб был густейший, а седина и вовсе ни у кого не замечалась... Что за молодость была, какое горячее желание построить свой театр!

Построили. Есть театр. А ведь в сущности страшно было нам в том «Городе на заре», которым, с нулевого цикла, начинался Воронежский ТЮЗ. Не каждому выпускнику театрального вуза или училища выпадает такая честь — браться за колбы и бутылки нового театра...

Завтра спрячутся под гримом морщинки, погустеет чуб под руками добрых гениев нашей долгой молодости — гримеров-парикмахеров, вороновым крылом заблестит седина. Рабочие наступят будни, а точнее сказать — праздники, — для нас и, надеюсь, для всех, кто приходит к нам в часы утренние и вечерние — ребятнишек всех школьных возрастов, пап, мам, учителей, всех, кто уносит — по крайней мере нам этого очень хочется — частичку нашего сердца...

В программе юбилейного вечера — конечно, речи, поздравления, приветственные адреса. И еще — отрывки из спектаклей, то есть работа. Что ж, для актера нет лучшего праздника. Спасибо вам за него, дорогие зрители.

Ольга СОЛНЦЕВА:
— МЕЧТАЮ
О «МАТЕРИ»

«По старинному» мне полагается говорить после Виктора Копосова — он в театре со дня основания, а я — восьмой только сезон. Но на сцене я обычно самая старшая, потому что я то ученица, то мама этих выхваченных искателей истины... Но всегда, что бы я ни играла — хочется быть другой и ровесником тех, кто со мною на сцене, и тех, кто в зале.

А роли — они разные. Иные просто удовлетворяют, другие оставляют в душе неизгладимый след, как роль Навикиной матери из инсценировки пьесы Островского «Как закалялась сталь». Выбывают и такие, когда хочется что-то доказать за автором. Вот, например, мне очень хочется, чтобы мама этого милого и неосторожного остряка Виктора из спектакля «Есть ли у вас Ч.Ю.?» была... ну, что ли, замечнее, не такой всепрощающе-спокойной. Чтобы в своем горьком прозрении Виктор не оставался один...

Всякий артист мечтает. Я — тоже: сыграть когда-нибудь страдание, мужество, любовь матери Павла Власова. Вот кто вонистую всегда наш современник, вот о какой радости и тишине мечтаю. Доведется ли? Наверное, если бы Алексей Максимович написал пьесу «Мать», наш театр давно бы ее поставил. Но почему не инсценировка? Кажется, у нашего театра они получаются...

Валерий БЛИНОВ:
— ДАЙТЕ
МНЕ «Ч. Ю.»!

В последние дни перед нашей «сдачей» мне явно его больше требовалось, желательнее — целый мейн, как у моего Виктора из нашей только что вышедшей на сцену постановки про чувство юмора. Право, артиста оно порой только и спасает от самого что ни на есть флюидного уныния.

Если честно — не очень все-таки слушаю критику, меня что-то все хвалят, даже рецензенты, и те хвалят. Все Хлестакова вспоминают, как я его там вылезла и выпуклый образ создала. Это точно — любимая моя роль. Но и с любимыми надо расставаться для других спектаклей.

А Хлестаков мне в Викторе, прямо сказать, навредил. Понимаете ли, в Викторе мало этого самого, хлестаковского, и легкость в мыслях тоже налицо. Только ведь он совсем другой, он же хороший парень. Смотрите, как он искренен в своем желании, чтобы в вуз зачислили не его, а друга, потому что тот действительно более достоин. И если ранят близкие Викторовы выдумки, то не от злости же они сердятся! Надо мне обязательно от хлестаковской злости Виктора уводить, инокански класть повеселее, а то ведь режиссер не простит, да и сам себя заем.

Пожелания? Чтобы зритель мне всегда помогал в серьезном, а не смеялся и хлопал только всяким шуток-кам-трикам.

Надежда БАПАРКИНА:
— СКАЖУ
О НАШИХ СТАРШИХ

Все-таки неплохо, что юбилей бывает только раз в десятилетие, а то ведь все-таки не самая радужная мысль, что вот — уже пятый сезон пошел, как сама играешь, а это не так и мало... Да и устава, признаться, после «Дождя!» Их, спектаклей, и не бывает легких, а этот особенно.

Вот, кстати, о легком — не легком. Оставим пока всякие юбилейные слова о том, что меня в свое время очень хорошо принял коллектив, что дружно живем и вообще у нас тут ангелы порхают. Правильно все, но не это главное. Я не знаю, придет ли и ко мне это с годами, но не устаю удивляться и завидовать нашим старшим. Галина Алексеевна Глинкина, Вульф Петрович Родионский, Ольга Павловна Солнцева, Анатолий Абдулаев, Александр Тарасенко — вот кто работничий! Иной раз кажется — не могу, ничего не хочу, кроме как высняться. А они — ровно, добросовестно, спокойно ведут свою партию, точно железные, право... И нас ободрают, и возмужают на нас, как это очень правильно говорится, силой личного примера.

Личный пример старших, атмосфера, которую они создают в театре, их спокойствие, уверенность, оптимизм, добросовестность — вот что убеждает: главное работать, работать, а не сдавать пухляки со своей драгоценной хрупкой индивидуальности.

Алла СКОРОХОДОВА:
— ЭТО
ТЕАТР!

Я тоже хотела сказать о наших старших, тем более, что они мне и по сцене являются мамой и папой — о Борисе Николаевиче Коннедалове и Ольге Павловне Солнцевой, я имею в виду спектакль «Антонина». Но Наде уже главное о наших старших сказала.

В театре я совсем недавно, всего второй год. До этого работала в Рязанском ТЮЗе.

Воронежский ТЮЗ стал для меня домом и очень быстро.

Во-первых — появились любимые артисты, появились друзья. Но самое главное — это театр. Давно известно, что можно выстроить дорогое здание, собрать блестящую труппу, а театр может не состояться. В чем дело? У Воронежского ТЮЗа здание замечательное, но главное — что в нем сохраняется то, что называется студийностью, то есть атмосфера внимания всех ко всем.

Вот только не всегда радуется меня, да и товарищей, зрительный зал. Я не говорю вообще обо всех; тем более если шумок во время спектакля — тут артисту прежде всего надо себя выжить — как долго порою не могут успокоиться, настраиваться школьники, особенно младшие. В школах надо готовить ребятнишек и посещение театра — это ведь и в самом деле храм. Это — театр!